

К О В З А Р Ь .

КОБЗАРЬ

Т. ШЕВЧЕНКА.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1840.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Е. ФИШЕРА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Цензурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. С.Петербургъ, 12 Февраля
1840 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

Думы мои, думы мои,
Лыхо мени зъ вамы!
На що стали на папири
Сумными рядами?...
Чомъ васъ витерь не розвіявъ
Въ степу, якъ пылыну?
Чомъ васъ лыхо не прыспало,
Якъ свою дытыну?....

Бо васъ лыхо на свитъ на смихъ породило,
 Поливалы сліозы... чомъ не затопылы,
 Невынеслы въ море, нерозмылы въ поли?...
 Не пыталы бѣ, люды—що въ мене болыть?
 Не пыталы бѣ, за що проклынаю долю,
 Чого нужу свитомъ?—«Ничого робыть»
 Не сказалы бѣ на смихъ...

Квиты мои, диты!

На що васъ кохавъ я, на що доглядавъ?
 Чы заплаче сердце одно на всимъ свити,
 Якъ я зъ вами плакавъ?... Може и вгадавъ...
 Може найдетця дивоче
 Серце, кари очи,
 Що заплачуть на си думы —
 Я билше не хочу...
 Одну сліозу зъ очей карыхъ —
 И... павъ надъ панамы!...

Думы мои, думы мои!
 Лыхо мени зъ вами!...

За каріи очынята,
За чорніи бровы
Серце рвалося, сміялось,
Выльвало мову,
Выльвало, якъ умило,
За темніи ночы,
За вышневыи садъ зеленый,
За ласкы дивочи...
За степы, та за могылы,
Що на Украини
Серце млило, не хотило
Спивать на чужыни.....
Не хотилось въ снигу, въ лиси,
Козацку громаду
Зъ булавами, зъ бунчуками
Збирать на пораду...
Нехай души козацкіи
Въ Украини витають —
Тамъ шыроко, тамъ весело
Одъ краю до краю....
Якъ та воля, що мынулась,
Днипръ шырокый — море,

Степъ и степъ, ревуть пороги,
И могылы — горы, —
Тамъ родылась, гарцювала
Козацкая воля;
Тамъ Шляхтою, Татарамы
Засивала поле,
Засивала трупомъ поле,
Поки не остыло...
Лягла спочыть... а тымъ часомъ
Выросла .могыла,
А надъ нею орель чорный
Сторожемъ литае
И про неи добрымъ людямъ
Кобзари спивають,
Все спивають, якъ діялось,
Слипи неборакы, —
Бо дотепни... А я,... а я
Только вмю плакать,
Только сліозы за украйну,...
А слова — не мае...
А за лыхо—....Та цуръ іому!
Хто іого не знае!...

А надто, той, що дивытця
 На людей душою —
 Пекло йому на симъ свити,
 А на тимъ...

Журбою

Не наклычу соби доли,
 Коли такъ не маю.
 Нехай злыдни жывуть тры дни —
 Я ихъ заховаю,
 Заховаю змію люту
 Коло свого серця,
 Щобъ ворогы не бачылы,
 Якъ лыхо сміетця...
 Нехай думка, якъ той воронъ,
 Литает, та кряче,
 А серденько соловейкомъ
 Щебече, та плаче
 Нышкомъ — люды непобачуть,
 То й не засміютця...
 Не втырайте жъ мои сліозы,
 Нехай соби льютця,

Чуже поле поливають
Що дня и що ночи,
Поки попы не засыплють
Чужымъ пискомъ очи...
Оттаке-то... а що робить!
Журба не поможе.
Хто жъ сыроти завидуе —
Карай того, Боже!

Думы мои, думы мои,
Квиты мои, диты!
Выроставъ васъ, доглядавъ васъ —
Дежъ мени васъ диты?...
Въ Украину идить, диты!
Въ нашу Украину,
Попидъ тыню, сыротамы,
А я — тутъ загыну.
Тамъ найдете щыре серце
И слово ласкаве,

Тамъ найдете щыру правду,
А ще, може, й славу...

Прывитай же, моя ненько!
Моя Украино!
Моихъ дитокъ не розумныхъ,
Якъ свою дытыну.

П Р Е Б Е Н Д Я .

В. М. ТРЕБЕНКЪ.

Перебендя старый, слепой —
Хто його не знае!
Винь усюды вештаетця,
Та на кобзи грае, —
А хто грае, того знають
И дякують люды.

Винъ имъ тугу розганяе,
 Хоть самъ свитомъ нудыть.
 Попидътынью сиромаха
 И днюе й ночеуе,
 Нема іому въ свити хаты;
 Недоля жартуе
 Надъ старою головою, —
 А іому байдуже:
 Сяде соби, заспивае —
 «Ой не шумы, луже!»
 Заспивае, тай згадае,
 Що винъ сыротына,
 Пожуритця, посумуе,
 Сыдячы пидъ тыномъ.

Оттакый-то Перебендя,
 Старый, та хымерный:
 Заспивае про Чалого,
 На Горльцю зверне;
 Зъ дивчатымы, на выгони,
 Грыця, та веснянку,
 А у шынку, зъ парубкамы

Сербина, шынкарку;
 Зъ жонатымы на бенкети
 (Де свекруха злая),
 Про тополю-лыху долю,
 А потимъ — у гаю;
 На базари про Лазаря;
 Або, щобъ те зналы,
 Тяжко, важко заспивае
 Якъ Сичь руйновалы. —
 Оттакый-то Перебендя,
 Старый, та хымерный:
 Заспивае — засміетця,
 А на сліозы зверне.

Витеръ віе, повивае,
 По полю гуляє —
 На могыли кобзарь сыдыть,
 Та на кобзи грае;
 Кругомъ іого степь, якъ море
 Широке, сынїе,
 За могылою—могыла,
 А тамъ — тилько мріе. —

Билый усъ, стару чупрыну
 Витерь розвивае,
 То прыляже, та послуха,
 Якъ кобзарь спивае,
 Якъ сердце сміетця, слили очи плачуть—
 Послуха,... повіе...

Старый заховавсь

Въ степу, на могыли, щобъ нихто не-
 бачывъ,
 Щобъ витерь по полю слова размахавъ,
 Щобъ люды не чулы—бо то Боже слово,
 То сердце по воли зъ Богомъ розмовля,
 То сердце щебече Господнюю славу...
 А думка край свита на хмари гуля
 Орломъ сызокрылымъ литае, шырѣе,
 Ажъ небо блакытне шырокымы бѣе,
 Спочыне на сонци, іого запытае —
 Де воно ночуе? — Якъ воно встае? —
 Послухае моря що воно говорыть? —
 Спыта чорну гору — чого ты нима? —
 И знову на небо, бо на земли горе,

Бо на ій, шырокій, куточка нема
 Тому, хто все знае, тому, хто все чуе :
 Що море говорыть, де сонце ночуе —
 Його на симъ свити нхто непрыйма :
 Одынъ винъ межъ ными, якъ сонце
 високе ;

Його знають люды—бо носыть земля....
 А якъ бы почулы що винъ, одынокый,
 Спива на могыли, зъ моремъ розмовля—
 На Божее слово воны бѣ насміялысь,
 Дурнымъ бы назвалы, одъ себе прогналы :
 Нехай по надъ моремъ, сказалыбъ, гуля.

Добре есы, мій кобзарю !
 Добре, батьку, робышь,
 Що спиваты, розмовляты
 На могылу ходышь !
 Ходы соби, мій голубе,
 Покры не заснуло
 Твое серце, та выпивуй
 Щобъ люды не чулы ;

А щобъ тебе не цуралысь —
Потурай имъ, брате!...
Скачы, враже, якъ панъ каже —
На те винъ богатый. —

Оттакый-то Перебендя
Старый, та хымерный:
Заспивае весильной,
А на журбу зверне.

КАТЕРИНА.

В. А. ЖУКОВСКОМУ.

НА ЗАКАЗЪ ПЕЧАТНИКА АЛЕКСАНДРА КОСОВОГО.

I.

Кохайтєся, чорнобрыви!
Та не зъ Москалямы, —
Бо Москали — чужи люды,
Роблять лыхо зъ вамы.
Москаль любить жартуючы;
Жартуючы кыне,

Пиде въ свою Московщину,
А дивчына гыне...
Якъ бы сама, щербъничого,
А то й стара маты,
Що родыла на свить Божый,
Мусыть погыбаты;
Серце вяне, спиваючы,
Колы знае, за що;
Люды серця не спытають,
А скажуть «ледащо!»...
Кохайтеся жь, чернобрыви,
Та не зь Москалямы,
Бо Москали — чужи люды,
Сміютця надъ вамы.

Не слухала Катерына
Ни батька, ни ненькы —
Полюбыла Москалыка,
Якъ знало серденько,
Полюбыла молодого,
Въ садочокъ ходыла,
Покы себе, свою долю

Такъ за напастыла. —
Клыче маты вечеряты,
А донька не чуе;
Де жартуе зъ Москалыкомъ,
Тамъ и започуе...
Не дви ночи кари очи
Любо цилувала,
Покы слава на все село
Не дообрая стала.
Нехай соби злыи люды
Що хотять, говорятъ, —
Вона любить, и не чуе,
Що вкралося горе:
Прыйшлы висты не добрыи —
Въ походъ затрубылы,
Пишовъ Москаль въ Туреччыну...
Катрусю накрылы.
Не счулася, та й байдуже,
Що коса покрыта!
За мылого, якъ спиваты,
Любо потужыты.
Обицявся чернобрыый,

Колы не загыне,
Обицявся вернутыся —
Тоди Катерына
Буде соби Московкою,
Забудетця горе, —
А покы ще, нехай люды,
Що хотять, говорятъ —
Не журытця Катерына! . . .
Слизонькы втырае,
Що дивчата на улыци
Безъ неи спивають.
Не журитця Катерына? —
Вмыетця сліозою,
Визьме видра опивночи,
Пиде за водою,
Щобъ ворогы небачылы,
Прыйде до крыныци,
Стане соби пидъ калыну,
Заспивае *Грыця*,
Выспивуе, вымовляе,
Ажъ калыне плаче, —
Вернулася — и раденька

Що нихто не бачивъ.
Нежуритця Катерина? —
И гадкы не мае!
У новенькій хустынотци
Въ окно выглядае,
Выглядае Катерина...
Мынуло пивъ року,
Занудыло коло серця,
Заколело въ боку,
Нездужае Катерина,
Ледве, ледве дыше, ...
Вычуняла, та въ запичку
Дытыну колыше,
А жиночки лыхо дзвонять,
Матери глузують,
Що Москали вертаются,
Та въ неи ночують.
— Въ тебе дочка чорнобрыва,
Та ще й не едына,
А муштруе у запичку
Московського сына....
Чорнобрываго прыдбала, —

Мабуць, сама вчыла! —
 — Бодай же васъ, цокотухы!
 Та злыдни побылы! —

.

Катерыно, серце мое!
 Лыщенько зъ тобою!
 Де ты въ свити подинесся
 Зъ малымъ сыротою?
 Хто спытае, прывитае,
 Безъ милого, въ свити?
 Батько, маты — чужи люды,
 Тяжко зъ нымы жыты! —

Вычуняла Катерына.
 Одсуне кватырку,
 Поглядае на улыцю,
 Кольше дытынку,
 Поглядае — не ма, не ма!
 Чы тожъ и не буде?...

Пишла бѣ въ садокъ поплакаты,
 Такъ дывлятця люды.
 Зайде сонце — Катерына
 По садочку ходыть,
 На рученькахъ носыть сына,
 Очыщи поводыть:
 — Отуть зъ муштру выглядала,
 Отуть розмовляла,
 А тамъ....а тамъ....сыну! сыну! —
 Та й не доказала....

Зелениють по садочку
 Черешни, та вышни,
 Якъ и перше выходыла,
 Катерына выйшла,
 Выйшла, та вже не спивае,
 Якъ перше спивала,
 Якъ Москаля молодого
 Въ вышныкъ дожыдала,
 Не спивае чорнобрыва,
 Клыне свою долю,
 А тымъ часомъ, вороженькы

Чыніять свою волю,
 Кують ричи не добрыи.
 Що мае робыты! —
 Якъ бы мылый-чорнобрывый —
 Умивъ бы спыныты....
 Такъ далеко чорнобрывый —
 Не чуе, не бачыть,
 Якъ ворогы сміютця ій,
 Якъ Катруся плаче.
 — Може вбытый чорнобрывый
 За тихымъ Дунаемъ!...
 А може вже въ Московщыни
 Другую кохае! —
 Ни! чорнявый не убытый —
 Винъ жывый, здоровый! —
 А де жъ найде таки очи,
 Таки чорни бровы?
 На край свита, въ Московщыни,
 По тимъ боци моря,
 Нема нигде Катерыны —
 Та здалась на горе —
 Вмила маты бровы даты,

Кари очынята,
Та не вмила на симъ свити
Щастя, доли даты,
А безъ доли биле лычко
Якъ квитка на поли —
Пече сонце, гойда витерь,
Рве всякый по воли....
Умывай же биле лычко
Дрибнымы сліозамы —
Бо вернулысь Москалыкы
Иншымы шляхамы

II.

Сыдыть батько въ кинци стола,
На руки схылывся,
Не дывытця на свить Божый,
Тяжко зажурывся,
Коло його стара маты
Сыдыть на ослони .

За сліозамы ледве, ледве
 Вымовляе дони
 — Що весильля, доню моя!
 А де жъ твоя пара?
 Де свитылка зъ друженькамы,
 Старосты, бояра?
 Въ Московщыни, доню моя!...
 Иды жъ ихъ шукаты,
 Та не кажы добрымъ людямъ,
 Що е въ тебе маты.
 Проклятый часъ-годынонька,
 Що ты народылась!
 Якъ бы знала, до схида сонця
 Було бь утопыла —
 Здалась тоди бь ты гадыни,
 Теперь Москалеви....
 Доню моя, доню моя!
 Цвите мій рожевий!
 Якъ ягідку, якъ пташечку
 Кохала, ростыла
 На лышенько.... Доню моя!
 Що ты наробыла!...

Оддячыла!... Иды жъ, шукай
У Москви свекрухы,
Не слухала ричей моихъ,
То ии послухай.

Иды, доню, найды ии,
Найды, прывитайся,
Будь щаслыва въ чужыхъ людяхъ!...
До насъ не вертайся,
Не вертайся, дытя мое!
Зъ далекого краю....

А хто жъ мою головоньку
Безъ тебе сховае?...

Хто заплаче надо мною,
Якъ ридна дытына?...

Хто посадыть на могыли
Червону калыну!...

Хто, безъ тебе, гришну душу
Помынаты буде!...

Доню моя, доню моя!

Дытя мое любе!

Иды одъ насъ! — Ледве, ледве
Поблагословила:

— Богъ съ тобою! — та якъ мертва
 На дилъ повалылась. —
 Обизвався старый батько:
 — Чого ждешь, небого? —
 Зарыдала Катерына,
 Та бухъ іому въ ноги:
 — Просты мени, мій батечку!
 Що я наробыла,
 Просты мени, мій голубе,
 Мій соколе мылый! —
 — Нехай тебе Богъ прощае,
 Та добрыи люды,
 Мольсь Богу, та йды соби —
 Мени легше буде. —
 Ледве встала, поклонылась,
 Выйшла, мовчкы, зъ хаты —
 Осталыся сыротамы
 Старый батько й маты.
 Пишла въ садокъ у вышневий,
 Богу помолылась,
 Взяла земли пидъ вышнею,
 На хрестъ почепыла,

Промовыла—не вернуса!
Въ далекому краю,
Въ чужу землю, чужи люды
Мене заховають,
А своєю ся кривотка
Надо мною ляже,
Та про долю, мое горе,
Чужымъ людямъ скаже....
Не розкажуй, голубонько!
Де бь ни заховалы,
Щобъ гришної на симъ свити
Люды не займалы....
Ты не скажешъ.... Ось хто скаже,
Що я його маты....
Боже ты мій!... Дыхо мое!...
Де мени сховатись!...
Заховаюсь, дитя мое!
Сама пидъ водою,
А ты грихъ мій спокутуешъ
Въ людяхъ сыротою,
Безбачченкомъ!....

Пишла селомъ,

Плаче Катерына ,
На голови хустыночка ,
На рукахъ дытына ;
Выйшла зъ села , — сердце ные ,
Назадъ подывылась ,
Покывала головою ,
Та й заголосыла ,
Якъ дерево , стала въ поли ,
Пры бытій дорози ,
Якъ роса та до схида сонця ,
Покапалы сліозы ;
За сліозамы , за гиркымы
И свита не бачыть ,
Тилько сына прыгортае ,
Цилуе , та плаче ,
А воно , якъ янгелятко ,
Ничого не знае ,
Маленькымы ручыцямы
Пазухы шукае....

Сило сонце; зъ за дибровы
Небо червоніе,
Утерлася, повернулась,
Пишла.... тилько мріе.
Въ сели довго говорылы
Дечого багато,
Та не чулы вже тыхъ ричей
Ни батько, ни маты....

Оттаке то на симъ свити
Роблять людямъ люды —
Того вяжуть, того рижуть, —
Той самъ себе губыть, —
А завищо — Святый знае!...
Свить, бацьця, шырокый, —
Та не ма де прыхылытця
Въ свити одынокымъ;
Тому доля запродала
Одъ краю до краю,
А другому оставыла
Те, де заховають.
Де жъ ти люды, де жъ ти добри,

Що серце збиралось
 Зъ ными жыты, ихъ любыты?
 — Пропалы, пропалы! —

Есть на свити доля —
 А хто їи знае!...
 Есть на свити воля —
 А хто їи мае?...
 Есть люды на свити —
 Срибломъ, злотомъ ссяють,
 Здаецця, панують —
 А доли не знають!
 Ни доли, ни воли!...
 Зъ нудьгою, та горемъ
 Жупанъ надивають,
 А плакаты — соромъ....
 Возьмить срибло, злото,
 Та будьте багати,
 А я возму сліозы —
 Лыхо выльваты....
 Затоплю недолю
 Срибными сліозамы,

Затопчу неволю
Билымы ногамы, —
Тоди я веселый,
Тоди я багатый,
Якъ буде серденько
По воли гуляты....

III.

Крычять совы, спить диброва,
Зиронькы сіяють,
По надъ шляхомъ, щырыцею,
Ховряшкы гуляють,
Спочывають добри люды,
Кого що втомыло —

Кого щастя, кого сліозы —
Все ничка покрыла,
Всихъ покрыла темнисинька,
Якъ диточокъ маты —
Де жъ Катрусю прыгорнула?
Чы въ лиси, чы въ хати?
Чы на поли, пидъ копою,
Сына забавляє?
Чы въ диброви, зъ пидъ колоды,
Вовка выглядае?...
— Бодай же васъ, чорни бровы,
Никому не маты,
Колы за васъ таке лыхо
Треба одбуваты!
А що дальше спиткаетця?...
Буде лыхо, буде!
Зостринутця жовти пискы
И чужіи люды,
Зостринетця зима люта....
А той — чы зострине,
Що пизнае Катерыну,
Прывитае сына?...

Зъ нымъ забула бѣ чорнобрыва
Шляхы, пискы, горе :
Винъ, якъ маты, прывитае,
Якъ братъ заговорыць....
Побачымо, почуемо!
А помы — спочыну,
Та тымъ часомъ, распытаю
Шляхъ на Московщыну. —
Далекий шляхъ, паныбраты!
Знаю іого, знаю!
Ажъ на серци похолоне,
Якъ іого згадаю.
Попомиравъ и я колысь,
Щобъ іого не мирять!
Росказавъ бы про те лыхо,
Та чы то жь повирять!
— Бреше, скажуть, сякый-такый!
(Звычайно, не въ очи)
А такъ тилько, псуе мову,
Та людей морочыць. —
Правда ваша, правда люды!

Та й на що те знаты,
Що сліозамы передъ вамы
Буду выльиваты!...
На що воно!... У всякого
И свого чымало, —
Цуръ же іому!... а тымъ часомъ,
Кете лышь кресало,
Та тютюну, — щобъ, знаете,
Дома не журылысь,
А то лыхо розказувать,
Щобъ брыдке прыснылось!
Нехай іого лыхый возьме!
Лучче жъ помиркую,
Де то моя Катерына
Зъ Ивасемъ мандруе.

За Кыевомъ, та за Днипромъ,
По пидъ темнымъ гаемъ,
Идутъ шляхомъ чумаченькы,
Пугача спивають;
Иде шляхомъ молодыця, —
Мусыть буты съ прощи.

Чого жъ смутна , не весела ?
 Заплакани очи ?
 У латаній свытотци ,
 На плечахъ торбына ,
 Въ руци ципокъ , а на другій
 Заснула дытына.
 Зострилася съ чумакамы ,
 Закрыла дытыну ,
 Пытаецця : — люды добри !
 Де шляхъ въ Московщыну ? —
 — Въ Московщыну ? Отцей самый .
 Далеко , небого ? —
 — Въ саму Москву . Хрыста рады
 Дайте на дорогу ! —
 Бере шага , ажъ трусытця —
 Тяжко , іого браты !
 Та й на вищо ?... А дытына !...
 Вона жъ іого маты
 Заплакала , пишла шляхомъ ,
 Въ Броваряхъ спочыла ,
 Та сынови за гиркого
 Медяныкъ купыла

Довго, довго сердешная
 Все йшла, та пытала,
 Було таке, що й пидъ тыномъ
 Зъ сыномъ ночувала....

Бачь, на що здалися кари очынята —
 Щобъ пидъ чужымъ тыномъ сліозы
 выливать!...

Ото жъ-то дывитця, та кайтесь, дивчата,
 Щобъ недовелося Москаля шукать,
 Щобъ недовелося, якъ Катря шукае —
 Тоди не пытайте, за що люды лають,
 За що непускають въ хату ночувать,
 Не пытайте, чорнобрыви, —
 Бо люды те знають,
 Кого Богъ кара на свити, —
 То й воны карають!
 Люды гнутця, якъ ти лозы,
 Куды витеръ віе.
 Сыротыни сонце свитыть,
 Свитыть — та не гріе....
 Люды бь сонце заступылы,

Якъ бы малы сылу,
Щобъ сыроти не свитыло,
Сліозы не сушыло....
А за вищо, Боже мыйй!
За що свитомъ нудыть?
Що зробыла вона людамъ?
Чого хотять люды?
Щобъ плакала!... Серце мое!
Не плачь, Катерино!
Не показуй людамъ сліозы,
Терпы до загыну,
А щобъ лычко не марнило,
Съ чорнымы бровамы,
До схидъ сонця, въ темнимъ лиси,
Умыйся сліозамы,
Умыешся, не побачуть,
То й не засміютця,
А серденько одпочыне,
Покы сліозы льютця.

.

.

Дежъ Катруся блудыть?...
 По пидъ тынью ночувала,
 Раненько вставала,
 Поспишала въ Московщину.
 Ажъ — гулькь: зима впала:
 Свыще полемъ заверюха —
 Иде Катерына
 У лычакахъ... лыхо тяжке!
 И въ одній свытыни,
 Иде Катря, шкандыбае,
 Дывытця — щось мріе...
 Лыбонь идутъ Москалыкы...
 Лыхо!... сердце мліе...
 Полетила, зострилася,
 Пыта — чы не мае
 Мого Йвана чорнявого? —
 А ти — мы не знаемъ. —
 И звычайно, якъ Москали,
 Сміютця, жартуютъ:

— Ай, да баба! ай, да наши!
 Кого не надують! —
 Подивылась Катерына:
 — И вы, бачу, люды!
 Не плачь, сыну — мое лыхо!
 Що буде, той буде!
 Пиду дальше — бильшь ходыла,
 А може й зострину,
 Оддамъ тебе, мій голубе,
 А сама загыну, —

Реве, стогне хуртовына,
 Котыть, верне полемъ;
 Стоит Катря середъ поля,
 Дала сліозамъ волю.
 Утомылась заверюха,
 Де-де позихае:
 Ще бѣ плакала Катерына,
 Та сліозъ бильшь не мае....
 Подивылась на дытыну —
 Умыте сліозою,

Червоніе , якъ квіточка
Вранци пидъ росою....
Усмихнулась Катерына ,
Тяжко усмихнулась ,
Коло серця , якъ гадына
Чорна повернулась ;
Кругомъ , мовчкы , подывылась —
Бачыть — лисъ чорніе ,
А пидъ лисомъ , край дороги ,
Лыбонь куринь мріе .
— Ходимъ , сыну ! смеркаетця ,
Колы пустять въ хату ,
А непустять — то й на двори
Будемъ ночуваты ;
Пидъ хатою заночуемъ ,
Сыну мій , Иване !
Дежъ ты будешъ ночуваты ,
Якъ мене не стане ?...
Зъ собаками , мій сыночку !
Кохайся на двори —
Собаки зли — покусають ,
Та не заговорять ,

Не розкажуть, сміючыся....

Съ псамы исты й пыты!

Бидна моя головенько!

Що мени робыты!...

IV.

• • • • •
• • • • •

Реве, свыще заверюха,
По лису завыло,
Якъ те море, биле поле
Снигомъ покотылось.

Выйшовъ зъ хаты карбивнычый,
 Щобъ лисъ оглядиты,
 Та де тоби! Таке лыхо,
 Що не выдно й свита.
 — Эге, бачу! яка фуга!
 Цуръ же іому зъ лисомъ,
 Питы въ хату.... Що тамъ таке?...
 Отъ ихъ достобиса!
 Недобра ихъ розносыла,
 Мовъ, справди, за диломъ!
 Нычыпоре! дывысь лышень,
 Яки побилили! —
 — Що? Москали? — Де Москали? —
 — Що ты! Схаменыся! —
 — Де Москали-лебедыкы?... —
 — Та онъ, подывыся. —
 Полетила Катерына
 И не одяглася.
 — Мабуть, добре Московщина
 Въ тямку ій далася!
 Бо у ночи тилькы й знае,
 Що Москала клыче. —

Черезъ пенькы, заметамы
 Летыть, ледве дыше,
 Боса стала середъ шляху,
 Втерлась рукавами,
 А Москали ій назустрічь,
 Якъ одынь, верхамы.
 — Лыхо мое, доле моя! —
 До ихъ колы гляне —
 По переду старшый иде.
 — Любый мій Иване!
 Серце мое коханее!
 Дежъ ты такъ барывся! —
 Та до іого, за стремена, —
 А винъ подывывся,
 Та шпорами коня въ бокы.
 — Чого жъ утикаешь?
 Хыба забудь Катерыну?
 Хыба не пизнаешь?
 Подывыся, мій голубе!
 Подывысь на мене —
 Я Катруся твоя люба.
 На що рвешь стремена? —

А винъ коня поганяе,
 Нибыто й не бачыть.
 — Пострывай же, мій голубе!
 Дывысь — я не плачу;
 Ты не пизнавъ мене, Ёване;
 Сердце! подывыся,
 Ей же Богу! я Катруся! —
 — Дура, отвяжися!
 Возьмите прочь безумную. —
 — Боже мій!... Ивасю!
 И ты мене покыдаешъ!
 А ты жъ прысягався! —
 — Возьмите прочь! — Что жъ вы стали! —
 — Кого? мене взяты?...
 За що жъ, скажы, мій голубе!
 Кому хочь оддаты
 Свою Катрю, що до тебе
 Въ садочокъ ходыла,
 Свою Катрю, що для тебе,
 Сына породыла?...
 Мій батечку, мій братику!
 Хочь ты не цурайся!

Наймычкою тоби стану....
 Зъ другою кохайся, ...
 Зъ цылымъ свитомъ.... я забуду,
 Що колысь кохалысь,
 Що одъ тебе сына мала,
 Покрыткою стала, ...
 Покрыткою.... який соромъ!
 И за що я гыну! ...
 Покрынь мене, забудь мене,
 Та не кыдай сына.
 Не покынешь?... Серце мое,
 Не втикай одъ мене —
 Я вынесу тоби сына. —
 Кынула стремена,
 Та въ хатыну, — вертаецця,
 Несе іому сына;
 Не сповыта, заплакана
 Сердешна дытына.
 — Ось-де воно, — подывыся!
 Дежъ ты заховався?
 Утикъ.... не ма!... Сына, сына
 Батько одцурався....

Боже ты мій!... Дытя мое!
Де динусь зъ тобою?...
Москалыкы! голубчыкы!
Возьмить за собою,
Не цурайтесь, лебедыкы!
Воно сыротына,
Возьмить іого, та оддайте
Старшому за сына, . . .
Возьмить іого.... Бо покыну,
Якъ батько покынувъ, —
Бодай іого не кыдала
Лыхая годына!...
Грихомъ тебе на свить Божый
Маты породыла —
Выростай же, на смихъ людамъ! —
На шляхъ положила.
— Оставайся шукать батька,
А я вже шукала.... —
Те въ лисъ, зъ шляху, якъ нависна,
А дытя осталось, . . .
Плаче, бидне! — А Москалямъ
Байдуже — минулы.

Воно й добре, та на лыхо
Лиснычи почулы...

Бига Катря боса лисомъ,
Бига, та голосыть,
То проклына свого Йвана,
То плаче, то просыть,
Выбигае на возлисса —
Кругомъ подывылась,
Та въ ярь.... бижыть,... середъ ставу
Мовчкы опынылась....
— Прыймы, Боже! мою душу.
А ты мое тило. —
Шубовсть въ воду! По пидъ ліодомъ
Геть загуркотило....

Чорнобрыва Катерына
Найшла, що шукала, —
Дунувъ витерь по надъ ставомъ —
И слиду не стало.

То не витерь, то небуйный,
Що дуба ламає, —
То не лыхо, то не тяжке,
Що маты вмирає,
Не сироты мали диты,
Що неньку сховалы —
Имъ зосталась добра слава,
Могыла зосталась;
Засміютця зліи люды
Малій сиротыни:
Вылье сліозы на могылу —
Серденько спочыне....
А тому, тому на свити,
Що іому зосталось,
Кого батько и не бачывъ,
Маты одцуралась?...
Що осталось.....?
Хто зъ нымъ заговорыть?...
Ни родыны, ни хатыны, —
Шляхы, пискы, горе....

Паньске лычко, чорни бровы
На що? — Щобъ пизналы!...
Змаліовала, не сховала —
Бодай полынялы!...

v.

Ишовъ Кобзарь до Кыева ,
Та сивъ спочываты ;
Торбынкамы обвишаный ,
Юго повожатый ,
Мале дытя , биля юго
На сонци куняе ,

А тымъ часомъ , старый кобзарь
Исуса спивае.

Хто йде, ѣде — не мынае,
 То бублыкъ, то гроши;

Хто старому, — а дивчата
 Шажоқъ михоноши.

Задывлятця чорнобрыви —
 — И босе, и голе!

Дала, кажутъ, бровынята,
 Та не дала доли!

Ѣде шляхомъ до Кыева
 Берлынъ шестернею,
 А въ Берлыни госпоdynя,
 Съ паномъ и симьею,
 Опынывся протывъ старцивъ,
 Курява лягае, —
 Побигъ Ивась, бо зъ виконця
 Рукою махае;...
 Дае гроши Ивасеви,
 Дывуетця пани,
 А панъ глянувъ, ... одвернувся....

Пизнавъ, препоганый,
Пизнавъ ти кари очи,
Чорни бровынята
Пизнавъ батько свого сына....
Та не хоче взяти.
Пыта пани — якъ зоветця?
— Ивась. — Какой милый! — ...
Берлынъ рушывъ, а Ивася
Курява покрыла.
Поличылы, що досталы,
Всталы сиромахы,
Помолылысь на схидъ сонця,
Пишлы по надъ шляхомъ.

Т О П О Л Я,

И. С. ИВАНОВИЧ.

По диброви витеръ вые,
Гуляе по полю,
Край дороги гне тополю
До самого долу. —
Станъ высокій, листь шырокій
На що зеленіе?

Кругомъ поле, якъ те море
Шыроке, сынїе.

Чумакъ иде, подывытця
Та й голову схылыть,
Чабанъ вранци зъ сопилкою
Сяде на могыли,
Подывытця — сердце ные:
Кругомъ ни былыны: —
Одна, одна, якъ сырота
На чужыни, гыне!

Хто жь выкохавъ тонку, гнучку
Въ степу погыбаты?
Пострывайте — все роскажу.
Слухайте жь, дивчата!

Полюбыла чорнобрыва
Козака дивчына.
Полюбыла — не спыныла:
Пишовъ — та й загынувъ....
Якъ бы знала, що покыне —
Будо бь не любыла;

Якъ бы знала, що загыне —
 Було бь не пустыла;
 Якъ бы знала — не ходыла бь
 Пизно за водою,
 Не стояла бь до пивночи
 Зь мылымь пидь вербою;
 Якъ бы знала!...

И то лыхо —

По переду знаты,
 Що намъ вь свити зостринетця....
 Не знайте, дивчата!
 Не пытайте свою долю!...
 Само сердце знае
 Кого любить: нехай вьяне,
 Покы закопають, —
 Бо не довго, чорнобрыви!
 Кари очынята,
 Биле лычко червоніе —
 Недовго, дивчата!
 До полудня, та й завьяне,
 Бровы полыняють —

Кохайтеса жь , любитеса ,
Якъ серденько знае .

Зашебече соловейко
Въ лузи на калыни ,
Заспивае козаченько ,
Ходя по долини , —
Спива соби , покы выйде
Чорнобрыва зъ хаты —
А винъ їи запытае :
— Чы не была маты ? —
Стануть соби , обіймутця —
Спива соловейко :
Послухають , розійдутця ,
Обое раденьки....
Нихто того не побачыть ,
Нихто не спытае :
— Де ты була , що робыла ? —
Сама соби знае....
Любылася , кохалася ,
А серденько млило —
Воно чуло недоленьку ,

А сказать не вмило ;
 Несказало — осталася ,
 День и ничь воркуе,
 Якъ голубка безъ голуба, —
 А никто не чуе....

Не щибече соловейко
 Въ лузи надъ водою,
 Не спивае чорнобрыва,
 Стоя пидъ вербою,
 Не спивае, — якъ сырота,
 Билымъ свитомъ нудыть :
 Безъ мылого батько, маты
 Якъ чужіи люды,
 Безъ мылого сонце свитыть —
 Якъ ворогъ сміетця,
 Безъ мылого скризь могыла,....
 А серденько бьетця.

Мынувъ и рикъ, мынувъ другый —
 Козака не мае :
 Сохне вона, якъ квиточка :

Нихто не пытае:

— Чого вьянешь, моя доню? — ...

Маты не спытала,
За старого, багатого
Ныщечкомъ еднала.

— Иды доню, каже маты,
Не викъ дивуваты!

Винъ багатый, одынокый —
Будешь пануваты. —

— Не хочу я пануваты,
Не пиду я, мамо!

Рушныкамы, шо прыдбала,
Спусты мене въ яму;
Нехай попы заспивають,
А дружкы поплачуть —
Легше мени въ труни лежать,
Якъ іого побачыть. —

Не слухала стара маты,
Робыла шо знала —
Все бачыла чорнобрыва,
Сохла и мовчала.

Пишла въ ночи до ворожки,
Щобъ поворожыты —
Чы довго ій на симъ свити
Безъ мылого жыты?...
— Бабусенько, голубонько,
Серце мое, ненько!
Скажы мени щыру правду —
Де мылый-серденько?
Чы жывъ-здоровъ, чы винъ любыть?
Чы забувъ-покынувъ?
Скажы жъ мени — де мій мылый?
Край свита польну!
Бабусенько, голубонько!
Скажы, колы знаешь....
Бо выдае мене маты
За старого замижь.
Любыть іого, моя сыза!
Серце не навчыты:
Пишлабъ же я утопылась —
Жаль душу згубыты....
Колы не жывъ чорнобрыый,
Зробы, моя пташко!

Щобъ до дому не вернулась....
Тяжко мени, тяжко!
Тамъ старый жде съ старостамы...
Скажы жь мою долю. —
— Добре, доню! Спочынь трошкы, —
Скажу твою долю...
Сама колысь дивувала —
Тее лыхо знаю;
Мынулося — навчылася:
Людамъ помагаю.
Твою долю, моя доню!
Позаторикъ знала,
Позаторикъ и зиллячка
Для того прыдбала. —
Пишла стара, мовь каламарь,
Достала съ польци.
— Ось на тоби сіого дыва.
Пиды до крыныци,
Покы пивни не спивалы,
Умыйся водою,
Выпый трошкы сіого зилля,
Все лыхо загойть.

Выпьешь — бижы, яко мога;
Щобъ тамъ ни крычало,
Не оглянсья, покы станешь
Ажъ тамъ, де прощалась.
Одпочынешь; а якъ стане
Мисяць середъ неба
Выпый ще разъ; не прыиде —
Въ третъ выпыть треба.
За першый разъ, якъ за той рикъ,
Будешь ты такою;
А за другый, середъ степу
Тупне кинь ногою —
Колы жывый козаченько,
То заразъ прыбуде.....
А за третій, моя доню!
Не пытай що буде.....
Та ще, чуешь, не хрестыся —
Бо все пиде въ воду....
Теперь же йды, подывыся
На торишню вроду. —

Взяла зилля, поклоньлась,

— Спасыби, бабусю! —

Выйшла зъ хаты — чы йты, чы ни?...

Ни! вже невернуся! —

Пишла.... Вмылась, напылася,

Побигла, та й стала,

Вдруге, втретъ, та мовъ сонна

Въ степу заспивала:

«Плавай, плавай, лебедонько!

По сынiому морю—

Росты, росты, тополенько!

Все въ гору, та въ гору,

Росты тонка, та висока,

До самой хмары, —

Спытай Бога, чы диждуся,

Чы не дижду пары?

Росты, росты, подывыся

За сынее море —

По тимъ боци — моя доля,

По симъ боци — горе.

Тамъ десь мылый, чорнобрыый

По полю гуляе,

А я плачу, лита трачу,
Іого выглядаю.

Скажы іому, мое серце!

Що сміютця люды,

Скажы іому, що загыну,

Колы не прыбуде!

Мене маты сама хоче

Въ землю заховаты....

А хто жь їи головоньку

Буде доглядаты?

Хто догляне, роспытае,

На старисть поможе!

Мамо моя!... доле моя!...

Боже мый, Боже!...

Подывыся, тополенько!

Якъ нема, заплачешь,

До схидъ сонця, ранисинько,

Щобъ ни хто не бачывъ....

Росты жь, серце-тополенько

Все въ гору, та въ гору;

Плавай, плавай, лебедонько!
По синіому морю.»

Таку пісню чорнобрыва
Въ степу заспівала....
Зилля дыва наробыло —
Тополею стала,
Не вернулася до дому,
Не диждала пары. —
Тонка, тонка, та висока,
До самой хмары.

По диброви витеръ вые,
Гуляе по полю,
Край дороги гне тополю,
До самого долу.

Д У М К А .

На що мени чорни брови,
На що кари очи,
На що лита молодіи,
Весели, дивочи!...
Лита мои молодіи
Марно пропадають,

Очи плачуть, чорни бровы
Одъ витру лыняють;
Серце вяне, нудыть свитомъ.
Якъ пташка безъ воли —
На що жь мени краса моя,
Колы нема доли!
Тяжко мени сыротою
На симъ свити жыты —
Свой люды якъ чужіи:
Ни съ кымъ веселытысь.
Нема кому распытаты —
Чого плачуть очи?
Нема кому розказаты. —
Чого серце хоче,
Чого серце, якъ голубка,
День и ничь воркуе; —
Никто іого не пытае,
Не знае, не чуе.
Чужи люды не спытають —
Та й на що пытаты!...
Нехай плаче сыротына,
Нехай лита тратыть! —

Плачь же, сердце! плачте, очи!
Поки не заснули,
Голоснише, жалибнише,
Щобъ витры почулы,
Щобъ понесли, буйнесеньки,
За сынее море
Чорнявому, зрадливому,
На лютеє горе.

ДО ОСНОВЪЯНЕНКА,

Бьютъ пороги, мисяць сходять,
Якъ и перше сходывъ —
Нема Сичи, пропавъ и той,
Хто всимъ верховодывъ,
Нема Сичи — очереты
У Днипра пытають :

«Де-то наши диты дилысь?
Де воны гуляють?»

Чайка скиглыть, литаючы,
Мовъ за дитьмы плаче,
Сонце гріе, витерьъ віе
На степи козачій.

На тій степи скризь могылы

Стоять, та сумують —

Пытаютця у буйного:

«Де наши панують?

Де панують, бенкетують?

Де вы забарылысь?...

Вернитесь! — Дывитесь,

Жыта похылылысь,

Де паслыся ваши кони,

Де тырса шумила,

Де кровь Ляха, Татарына

Моремъ червонила —

Вернитесь!» —

• • • • •
 • • • • •
 • • • • •
 • • • • •
 • • • • •

Слава не поляже ;

Не поляже, а роскаже,

Що діялось въ свити,

Чья правда, чья кривда

И чьи мы диты.—

Нашъ завзятый Головатый

Не вмре, не загыне :

Отъ де, люды, наша слава,

Слава Украины, —

Безъ золота, безъ каминю,

Безъ хытрои мовы,

А голосна, та правдыва,

Якъ Господа слово... —

Чы такъ, батьку - Отамане?

Чы правду спиваю? —

Эхъ! Якъ бы то... Та що й казать! —

Кебеты не маю.

.

— Не потурай! — Може скажешь —

Та що зъ того буде?

Насміютця на псаломъ той,

Що вылью сліозамы,

Насміютця!... Тяжко, батьку!

Поборовсябъ,

Якъ бы малось сылы;

Заспивавъ бы — бувъ голосокъ, —

Та позычкы ззилы...

Оттаке-то лыхо тяжке

Батьку ты мій, друже!

Блужу въ снигахъ, та самъ соби:

«Ой не шумы, луже!»

Не втну бильше—а ты, батьку!

Якъ самъ здоровъ знаешь,
 Тебе люды поважають,
 Добрый голосъ маешь —
 Спивай же имъ, мій голубе!
 Про Сичь, про могылы —
 Колы яку насыпалы,
 Кого положили,
 Про старыну, про те дыво,
 Що було, мынуло:
 Утны, батьку! щобъ нехотя
 На весь свить почулы,
 Що діялось въ Украини,
 За що погыбала,
 За що слава Козацкая
 На всимъ свити стала. —

 Утны, батьку, орле сызый!
 Нехай я заплачу,
 Нехай свою Украину
 Я ще разъ побачу,

Нехай ще разъ послухаю,
Якъ те море грае,
Якъ дивчына пидъ вербою
Грыця заспивае;
Не хай ще разъ усмихнетця
Серце на чужыни,
Покы ляже въ чужу землю,
Въ чужій домовыни.

ИВАНЪ ШИДКОВА.

В. И. ПЕТРОВИЧУ.

I.

Було колысь въ Украини, —
Ревилы гарматы;
Було колысь — Запорожци
Вмилы пановаты,
Пановалы, добувалы
И славу и волю —
Минулося — осталыся

Могылы по полю.
Высокіи ти могылы,
Де лягло спочыты
Козацкее биле тило,
Въ кытайку повыте;
Высокіи ти могылы, —
Чорніють, якъ горы,
Та про волю нышкомъ въ поли
Зъ витрамы говорятъ;
Свидокъ славы, дидивщыны
Зъ витромъ розмовляє,
А внукъ косу несе въ росу,
За ными спивае.

Було колысь въ України —
Лыхо танціовало,
Журба въ шынку медъ, горилку
Поставцемъ кружала,
Було добре колысь жыты
На тій України —
А згадаймо, може серце
Хоть трошкы спочыне.

II.

Чорна хмара зъ за Лыману,
Небо сонце крые,
Сынъ море звирюкою
То стогне, то вие,
Днипра гырло затопыло....
— А нуте, хлопьята,

На байдакы! Море грае —
Ходимъ погуляты! —

Высыпалы Запорожци,
Лыманъ човны вкрылы.
«Грай же, море!» заспивалы.
Запинылысь хвыли,
Кругомъ хвыли, якъ ти горы, —
Ни земли, ни неба.
Серце мліе, — а козакамъ
Того тилько й треба, —
Плывуть соби, та спивають;
Рыбалка литае,
А попереду Отаманъ
Веде, куды знае;
Похожае вздовжъ байдака,
Гасне люлька въ роти;
Поглядае сюды—туды —
Де-то быть роботи?
Закрутившы чорни усы,
За ухо чупрыну,
Пиднявъ шапку — човны стали.

— Нехай ворогъ гыне!
Не въ Сынопу, Отаманы,
Панове — молодци!
А у Царьградъ до Султана
Поидемо въ гости. —
— Добре, батьку-Отамане! —
Кругомъ заревило.
— Спасыби вамъ! — Надивъ шапку.
Знову закъпило
Сынъ море. Вздовжъ байдака
Знову похожае
Панъ Отаманъ, та на хвылю
Мовчкы поглядае.

ТАРАСОВА НИЧЬ.

И. И. МАРТОВУ.

На распутти кобзарь сыдыть ,
Та на кобзи грае ,
Кругомъ хлопци , та дивчата ,
Якъ макъ росцвитае ,
Грае кобзарь , прыспивуе ,
Вымовля словамы ,

Якъ Москали, Орда, Ляхы
 Былысь съ Козаками,
 Якъ сбиралася громада
 Въ недиленьку вранци,
 Якъ ховалы козаченька
 Въ зеленимъ байраци, —
 Грае кобзарь, прыспивуе,
 Ажъ лыхо сміетця....

.

«Встае хмара зъ за Лыману,
 А другая зъ поля:
 Зажурьлась Украина —
 Така іи доля!
 Зажурьлась, заплакала,
 Якъ мала дытына —
 Нихто іи не ратуе!
 Козачество гыне,
 Гыне слава, батькивщина,
 Немае де дитысь,....

Выростають не хрещени
Козацкіи диты,
Кохаютьця не винчани,
Безъ попа ховають,
Запродана жыдамъ вира,
Въ церкву не пускають!...
Якъ та галичъ поле крые,
Ляхы налитають,
Налитають — не ма кому
Порадонькы даты.
Обизвався Налывайко —
Нестало кравчыны (¹)!...
Обизвавсь козакъ Павлюга, —
За нею полынувъ.
Обизвавсь Тарасъ Трясыло
Гиркымы сліозамы:
«Бидна моя Украина
Стоптана Ляхамы!

• • • • •
 • • • • •
 • • • • •
 • • • • •

Обизвався Тарасъ Трясыло
 Виру рятоваты;
 Обизвався орель сызый —
 Та й давъ Ляхамъ знаты!
 Обизвався панъ Трясыло:
 — А годи журытця!
 А ходымъ лышь, паныбраты!
 Зъ Полякамы бытьця! —

Вже не тры дни, не тры ночи
 Бьетця панъ Трясыло —
 Одъ Лымана до Трубежу
 Трупомъ поле крылось....
 Изнемигся Козаченько,
 Тяжко зажурывся....
 А поганый Конець-Польскый
 Дуже звеселывся:

Зибравъ шляхту всю до купы,
 Та й ну частоваты.
 Зибравъ Тарасъ козаченькивъ
 Порады прохаты:
 — Отаманы-товарыши,
 Браты мои, диты!
 Дайте мени порадоньку, —
 Що будемъ робыты?...
 Бенкетують вражи Ляхы
 Наше безголовья!...
 — Нехай соби бенкетують,
 Нехай на здоровья!
 Нехай соби бенкетують,
 Шокы сонце зайде —
 А ничь-маты пораду дасть:
 Козакъ Ляха знайде.—

 Лягло сонце за горою,
 Зиркы засіялы, —
 А козакы, якъ та хмара,
 Ляхивъ обступалы.
 Якъ ставъ мисяць середъ неба,

Ревнула гармата:
 Прокынулись Ляшкы-панкы —
 Никуды втикаты!
 Прокынулись Ляшкы-панкы,
 Та й не повставалы:
 Зійшло сонце—Ляшкы-панкы
 Покотомъ лежалы.

Червоною гадюкою
 Несе Альта висты,
 Щобъ летилы крюкы зъ поля
 Ляшкывъ-панкывъ іисты —
 Налетилы чорни крюкы
 Ляшенькывъ будыты.. —
 Зибралося козачество
 Богу помолытысь....
 Закрякалы чорни крюкы,
 Выймаючы очи, —
 Заспивалы Козаченькы
 Писню тый ночи, —
 Тый ночи кровавой,
 Що славою стала

Тарасови, козачеству,
Ляхивъ що прыспала. —

Надъ ричкою въ чыстимъ поли
Могыла чорніе:
Де кровь текла козацкая,
Трава зеленіе.
Сыдыть крячокъ на могыли,
Та зъ голоду кряче —

.
.

Умовкь кобзарь, сумуючы —
Щось руки не грають!...
Кругомъ хлопци, та дивчата
Слизонькы втирають....

Пишовъ кобзарь по улыци —
Зъ журбы якъ заграе!
Кругомъ хлопци навпрысидкы,
А винъ вымовляє:

«Нехай буде оттакычкы!
Сыдять, диты, у запичку,
А я, зъ журбы, та до шынку,
А тамъ найду свою жинку,
Найду жинку, почастую,
Зъ вороженькивъ покепкую.

ШЕВЧЕНКО
ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ
«КОБЗАРЬ» 1840 ГОДА
(НА УКРАИНСКОМ
ЯЗЫКЕ)

ВИДАВНИЦТВО
«ДНІПРО»
КИЇВ
ВОЛОДИМИРСЬКА, 42

ЗДАНО
НА ВИРОБНИЦТВО
28.I 1976 р.

ПІДПИСАНО ДО ДРУКУ
12.V 1976 р.

ПАПІР
ОФСЕТНИЙ № 2
84×100¹/₃₂

ФІЗИЧНИХ
ДРУКАРСЬКИХ
АРКУШІВ
3,625

УМОВНИХ
ДРУКАРСЬКИХ
АРКУШІВ
5,619+1 ВКЛ.

ОБЛІКОВО-
ВИДАВНИЧИХ
АРКУШІВ
2,282

ЦІНА
КОМПЛЕКТУ В ФУТЛЯРІ
65 КОП.

ЗАМОВЛЕННЯ
1025

ТИРАЖ
25 000